

Когда Ксюша умерла, она даже не поняла, что произошло. Просто вдруг почувствовала себя одинокой. Мир вокруг стал ярче в десятки – нет, в тысячи раз, цвета почти выедали пока ещё слабые детские глаза, а тени людей вокруг посерели и побледнели. Так странно... как будто кино какое-то, которое Ксюша никогда не смотрела.

И мама, мама плакала. Она старалась стойко держаться, но она всё равно плакала. А папу прорвало: он ушёл из кабинета, скрыв рукой лицо. Ксюша не знала, побежать ли за ним или побыть с мамой; её дезориентировало, когда родители разлучались, мама вообще называла её капризой, но Ксюше просто не хотелось оставаться одной, а выбрать между папой и мамой сложно.

Вот и сейчас – что делать?

Морально пометавшись, Ксюша всё же приняла решение, подошла к маме и ткнулась в неё. Она умела обниматься и любила это делать, но сейчас она не знала, как лучше обнять, если большая часть тела мамы лежит на постели, где прямо сейчас погребена под одеялом другая Ксюша – не такая, какой она должна быть. Так что настоящая Ксюша ткнулась в спину, и затем, не почувствовав реакции, робко обхватила маму руками без кистей.

Мама снова не обратила на неё внимание.

Тогда Ксюша заплакала. Ей хотелось бы кричать, но сейчас она понимала, что бессмысленно: её никто не услышит. Раньше получалось, и папа с мамой тут же прибегали на помощь, утешали, ласкали, а сейчас никто этого не сделает. Потому что Ксюши как бы нет, а есть вот эта, другая девочка, совсем на неё не похожая – без волос, без единой кровинки, с посинело-чёрными закрытыми веками. Разве что аплазия никуда не делась (Ксюша выучила это слово одним из первых, просто впитывая в себя разговоры взрослых). Это тело не очень Ксюша, хотя, кажется, всё равно она. И для папы с мамой существует эта Ксюша, а не другая, что сейчас стоит за спиной и пытается привлечь к себе внимание.

Никогда ещё настоящей Ксюше не было так одиноко.

В спину что-то уткнулось, и Ксюша медленно обернулась: отчасти от боязни, отчасти потому, что не хотела отвлекаться от мамы, а торопиться уже было некуда.

Позади стояла большая-пребольшая собака, слюнявая, с длинными ушами, лапами толщиной в саму Ксюшу и добрыми глазами. Собака была куда крупнее маленьких девочек, и Ксюша, вероятно, смогла бы на ней кататься, если бы родители не говорили ей, что у собак очень хрупкие спины. Эта спина не выглядела сильно хрупкой, но всё равно было боязно как-то ей повредить.

Собака была коричнево-белая, а на шее висел небольшой деревянный бочонок. Интересно, с чем он?

Ксюша не желала разлипаться с мамой, но мама не обращала на неё внимание и плакала на кровати у другой девочки, а собака, по крайней мере, её видела, и не была такой блёклой, как всё остальное. Ксюша в итоге оторвалась от мамы, подошла к собаке и крепко-прекрепко обняла её. Пахло псиной; не очень приятно, но это была не худшая псина из существующих – от неё ещё веяло снегом, тёплой пылью и сладким напитком. Собака положила на плечо огромную, тяжёлую голову, и Ксюша почти провалилась в складки густой шерсти.

Какая же она больша-а-ая.

Другие люди помогли маме подняться, один увёл её, другой накрыл другую Ксюшу простынёй. Собака решительно встала и начала уверенно толкать Ксюшу в сторону выхода. Ксюше уходить не хотелось, но собака была такая уверенная в себе, что не послушаться её стало как-то боязно.

К тому же тут она останется совсем одна.

Подталкиваемая огромным псом, Ксюша семенила за мамой. Мама встретилась с папой; тот уже взял себя в руки и выглядел просто бледным – даже бледнее, чем казалось в этом странном мире, хотя всё вокруг как будто бы выцвело. Они шли в кабинет, из кабинета к каким-то людям, от каких-то людей на улицу, где звонили по телефону. Ксюша могла разбирать их слова, но не могла – значение, которое они в слова вкладывали, так что все эти беседы были глухой тарабарщиной на взрослые темы. Ксюша бы сама от родителей не отлипала, но ещё её вела и подталкивала собака, которая держалась совсем по-другому, чем обычные псы: она её как будто бы пасла, как овечку, хотя Ксюша совсем не овечка. Ксюша думала попросить собаку сводить её в туалет, но затем подумала и решила, что ей не надо: сейчас-то зачем?

Просто, ну... когда она волновалась, то немного хотела писать. Сейчас она очень волновалась, но писать совсем не хотелось. И оставлять папу с мамой тоже.

Мама с папой взяли такси, и Ксюша спокойно забралась внутрь, усевшись маме на колени, хотя та, скорее всего, совсем её не чувствовала. Собачка забралась куда-то ещё; назад, в багажник? Может быть... Но она была рядом, Ксюша чувствовала, просто не видела.

Прижиматься к маме в таком состоянии горше, чем держаться на расстоянии. Но Ксюша вообще ласковая и редко маму отпускала.

Непривычно, что её не обнимают и вообще не трогают.

И теперь уже не потрогают никогда.

В ближайшие два дня Ксюша не выходила из дома: большая собака её не пускала и преграждала дорогу. Не то чтобы Ксюше хотелось куда-то уходить, просто мама вдруг начала курить, хотя раньше она никогда этого не делала, и выползала из квартиры в подъезд; Ксюше не хотелось оставаться одной, а собака мешала ей уйти. Тут Ксюша начинала капризничать, толкаться, но собака только ворчала, брала Ксюшу за воротник платица и отводила от двери подальше, не взирая на то, что девочка сопротивлялась. Мама потом возвращалась, постаревшая и с опухшими глазами, но, пока её не было, Ксюша успевала передумать все самые ужасные мысли на свете. Например, что, если она не вернётся и уйдёт из квартиры? Ей уже некого тут оставлять, она не видит Ксюшу... может быть, ей теперь наплевать?

Нет, совсем нет. Но было страшно.

Собака леглась в ноги, а Ксюша садилась рядом с мамой, когда та бездумно включала телевизор. Ей нечего было смотреть, и она механически переключала каналы, пока не оказывалась на чём-то вроде битвы экстрасенсов – где все бегают и машут руками. Она смотрела внимательно-внимательно, Ксюша толкала её, хныкала, просила перестать, а собака просто лежала в ногах и тяжело вздыхала – как это всегда делают собаки. Так могло продолжаться долго, часами, Ксюше становилось скучно, но никак уговорить маму заняться чем-то другим она не могла – мама не тут, мама не с ней, мама где-то в другом мире, где нет Ксюши, только какая-то другая девочка.

Потом приходил папа, выключал телевизор, они заказывали еду на дом и молча ели. Потом обсуждали какие-то дела вне ксюшиного понимания; она была немного рада, что они сидели все вместе, и даже теперь у них собака есть... но радовалась не от всего сердца. Какая разница, раз на неё не обращают

внимания? Если они такие печальные и озабоченные? Если не ставят фоном музыку?

Ничего хорошего тут нет.

Потом они ложились спать, и места Ксюше в их постели совсем не хватало. Вообще у неё была своя, но ей совсем не хотелось укладываться в холодную одинокую кровать; если можно погреться у родителей, то надо, надо... Но они не давали ей пространства, как бы она ни укладывалась, и потом Ксюша, растирая по лицу слёзы, ложилась в ноги, вместе с огромной собакой, утыкаясь в крепкую шею. Плакать в неё, конечно, было проще, однако собачья шерсть лезла в нос и глаза, прицеплялась к ресницам и вызывала чихание.

Но самое ужасное, что спать Ксюше на самом деле было не нужно.

Вторую ночь она просто пролежала, тихо, как мышка, никуда не уходя и просто ожидая, когда родители встанут, а в первую не знала, что делать. Тогда Ксюша пошла в комнату и очень хотела включить телевизор. Собака с силой оттащила её, и Ксюша, впервые за долгое время, закричала и затопала ногами:

- Пусти! Не люблю тебя! Не люблю!

Она с вызовом нажала кулёй на кнопку телевизора и тут же испугалась до слёз: сразу же на неё выскочила (правда, только в экране) какая-то чешуйчатая штука. Ксюша заплакала, а собака прикрыла её своим массивным телом и сердито, с угрозой в голосе лаяла на экран, пока не появилась мама и с рассеянными словами: «но я же выключала...» не нажала на кнопку «выкл».

Ксюша хотела было броситься к маме, но знала: бесполезно. Она не обернётся к ней, не возьмёт на руки, не укачает, не почитает сказку, не отвлечёт на видео с гориллами. Мама ничего не сделает. Она поплачет в подушку и ляжет спать – и ничего, совсем ничего в этом не изменится.

Единственная, кто утешит её сейчас, это большая, добрая собака. Она вылизывала лицо противно пахнущей пастью и пытела над головой горько плачущей Ксюши.

Через два дня родители встали рано. Папа надел нетипичный для него чёрный костюм; совсем не то, что он носит обычно, он же в футболке и джинсах... Мама – в строгое чёрное платье с пиджаком. У неё была карнавальная шляпка с вуалью; её натянули пониже, чтобы не было видно глаз, однако, поскольку шляпка карнавальная, ткань не дотягивалась даже до носа, так что всем было открыто опухшее от слёз лицо.

В дверь звонили; приходили родные. Часть Ксюша знала (дяди, тёти, сёстры двоюродные), часть не знала. Все были очень скорбные, но не плакали. Даже мама не плакала, хотя ей, судя по всему, было нечем.

Папа спустился вниз, и Ксюша робко обняла маму за колени, прижимаясь к ней.

Ей не нравилось то, что сейчас происходило. Это было... нехорошо.

К маме подходили, обнимали её, выражали что-то вроде сочувствия, но мама стояла как колонна и просто принимала то, что творилось вокруг, никак не реагируя. Она, какая-то замороженная, даже не приняла участия в подготовке стола, которую затеяла бабушка; бабушка пыталась позвать маму помочь, но тёти зашикали на неё и оставили маму в покое, разрешив ей просто стоять. Ксюша не хотела отлучаться от мамы, но пахло помидорами, и она из любопытства заглянула на кухню. Там готовилось что-то незнакомое, резалась колбаса, помидоры натирались солью... любимая еда Ксюши после макарон. Собака, которая даже сейчас стояла рядом с ней, не выдержала и стащила кусок колбасы

со стола, а никто и не заметил. Ксюша с изумлением посмотрела на виноватое животное и подумала, а может ли она в этом состоянии есть?

Может. Четвертинка помидора была украдена.

Но брать больше было как-то стыдно; тем более, где там мама? Не увидев её в комнате, Ксюша запаниковала, но, оказывается, она просто отлучилась в туалет поплакать и затем вернулась.

Вернулся и папа; он что-то сказал, и все устремились к выходу. Собака решительно повела Ксюшу за собой, слегка прикусывая (совсем не больно) руку. В лифт все не вместились, и Ксюша с трудом упаковалась в кабинку с мамой и папой. На собаку места не хватило, и она обеспокоенно заворчала.

Впрочем, потом оказалась внизу. Как спустилась? Непонятно. Но спустилась и сердито боднула Ксюшу, подталкивая её к выходу.

А у выхода – два микроавтобуса, чёрных, глухих, непрозрачных. Что-то написано – Ксюша пока читать не умела, так что не различала. Она нырнула в машину, где сидели мама с папой, хотя там было забито под завязку; собака заворчала и просто затрусилась вслед за ними. Ксюша заволновалась: а вдруг собачка отстанет от машины, заблудится и не сможет их догнать? Она, конечно, волшебная, но она всё ещё только собака, она не машинка...

Это волнение перемежалось с острым переживанием при виде того, как мама прислонилась к папиному плечу, чтобы поплакать не слишком заметно. Папа, сам бледный, как смерть, едва скрывал своих чувств, но всё ещё держался и лишь неловко держал маму за руку. Другие люди начали их утешать, и Ксюша злилась: очевидно, папа и мама не хотели, чтобы их утешали, так зачем остальные лезут? Неужели думают, что у них получится?

У Ксюши бы получилось, но она не могла никак преодолеть то расстояние, что создавало невидимую стену между её прикосновениями и словами и той жизнью, что сейчас проживали мама с папой. Она прижималась к ногам папы, морщилась, когда её задевают, но никто, никто на это не обращает внимания, в том числе и сам папа, для которого Ксюши – вот этой, настоящей Ксюши – не существует.

Папа, папочка, ну как так, ну зачем? Вот же она, совсем рядом. Просто прикоснись...

Нет. Он не может. И никто не может.

А добрая собака очень далеко.

Они вышли у какого-то серого здания, возле которого была толпа народа; и только сейчас Ксюша с ужасом поняла, что происходит.

Что за здание, она не понимала: кладбища вокруг не было, значит... что это такое? Какая-то больница? Но свою больницу Ксюша помнила, она новенькая и свежестроенная, а тут какой-то старый советский дом цвета слоновьей кожи.

Но... погребальные венки ни с чем не перепутаешь. А их много, очень много. Страшно много. И страшно в этом случае не просто какое-то преувеличение, а правда – от этого становилось очень страшно, и...

Неужели это всё? Неужели это для неё?

Ксюша до последнего времени не думала о себе как о мёртвой. Она вообще о себе не думала. Ей было неясно, что происходит, но она не считала себя мёртвой; а с чего бы? Вот она, ходит незаметной тенью, она всё ещё тут... Что такое вообще быть мёртвым? Об этом никто не рассказывает, не пишет книжек, не делает игр, не снимает мультиков. Это никому не известно и не понятно, в особенности ей, ещё не доросшей до осознания собственной смертности. Это

просто всё очень другое – и страшно, страшно одиноко, и просто страшно, ничего не понятно, куда деваться.

Снова холодный мокрый нос ткнулся в спину. Это прибежала большая добрая собака, которая даже не была покрыта пылью от долгой беготни. Ну, конечно, она волшебная, её же никто не видит. Ксюша обхватила её со всей силой, крепче, чем обычнее, и собака заворчала: видимо, ей было не очень приятно, когда её вот так вот неделикатно хватало.

- Это что, это всё? – спросила Ксюша. – Меня больше не будет?

Собака ничего не ответила и лишь грустно и понимающе пыхтела, высунув язык.

- А мама? Папа?..

Ответа вновь не последовало. Внезапно Ксюшу кольнули боль и ярость; раньше такое было часто, она вообще была порой знатной капризой, но сейчас ей, как правило, было не до этого. А теперь – ну, больно стало. Невыносимо.

- Не хочу-у-у! Я не буду! Не буду! Не буду! Пошли отсюда! Пошли!

Она затопала ногами и направилась прочь от собирающейся и ещё пока не полной семьи (и будет ли она вообще полной, после неё?..), но собака грозно зарычала и схватила Ксюшу за капюшон. Та дёрнулась, попыталась отвязаться, но собака держала её как строгий родитель, с такой же неожиданной силой для собаки. Она потащила Ксюшу обратно; но Ксюша, упорная, яростная Ксюша упала на землю, упираясь маленькими ногами в ботиночках на липучках.

Но это вообще не мешало собаке делать то, что она делала. Она просто тащила Ксюшу за собой, не обращая внимания ни на бьющие по бокам руки, ни на отчаянные рыдания, ни на слабые попытки маленького ребёнка задержаться и зацепиться подошвой за блестящий неизвестными кристалликами асфальт.

Собака просто вернула её обратно и крепко держала, вообще не считаясь с тем, чего Ксюша хотела.

Наконец все доехали, но им ещё пришлось ждать. Ксюша голосила, плакала, звала маму и папу, но собака была неумолима и крепко держала её зубами, не давая вывернуться, так что страдания проходили мимо всех. Никто не слышал Ксюшу и не мог прийти ей на помощь: отогнать плохую собаку, взять на руки, успокоить, уехать отсюда подальше...

Потому что никто не уедет. Сейчас будет всё, конец. Они войдут внутрь, увидят Ксюшу, и...

А что будет дальше? Что с ней станет, когда её похоронят? Она исчезнет? Или останется тут навсегда, пока мама с папой не состарятся и умрут? А потом что? Что потом?..

И истерика шла на новый виток, но уже не яростная, не против собаки, а против всего мира вообще. Просто собака ничем бы ей не помогла.

Наконец толпа пошла в помещение. Ксюша заупрямилась; с одной стороны, бросать маму с папой и оставаться одной было очень плохо и невыносимо грустно. С другой... увидеть себя – и страшно, и некомфортно, и леденит до самых пяточек, что даже пошевелиться не можешь. Но собака, это терпеливое, но вредное и уверенное в себе животное, толкала Ксюшу вперёд и покусывала за плечи. В какой-то момент Ксюша уперлась руками и ногами, но получила мощный толчок головой, так что чуть не упала. Не расшиблась бы, тут не больно, так что она завизжала с ещё большей готовностью, но собака протащила её полтора метра за капюшончик, пока уже сама Ксюша не испугалась того, что она одна, а вокруг толпа людей – и никакой мамы, и никакого папы рядом нет.

Она что, потерялась? Конечно, она потерялась. И, главное, если закричит, позовёт на помощь, никто не поспешит спасать.

Ксюша робко замешкалась и перестала сопротивляться твёрдой решительности огромной собаки, как козочку толкавшей её на пастбище. В смысле за родителями.

Двери в зал были закрыты, однако собака толкнула их и приоткрыла, позволяя Ксюше войти внутрь.

Темно и сухо, похоже на какое-то официальное учреждение. Ни намёка на пафосный траур кладбища. Как будто пришёл в поликлинику, только там свет чуть более противный, чем тут. Занавеси. Толпа народа. Какая-то женщина в бордово-чёрном костюме что-то там зачитывает.

А в центре – гробик.

Ксюша не была уверена, что готова смотреть туда, разглядывать, что там лежит; она знала, просто не хотела в это верить. Но всё же... сделала. Не потому что было интересно, а потому что ей нечего делать – почему-то даже невидимой она стеснялась подбегать к родителям, нервно поджимавшим губы и державшимся из последних сил. Рассматривать остальных? Не очень интересно, они все как один.

И потом... что с ней будет, если она себя не увидит?

...а непонятно, что.

В гробу та Ксюша, ненастоящая, выглядела лучше, чем когда лежала в больнице; этого настоящая Ксюша уяснить себе не могла, как же так вышло. Неужели смерть красит? Неужели чем дольше лежишь, тем быстрее проходят чёрные круги, перестают выступать синие вены, а кожа перестаёт быть сухой и натянутой на кости? Та девочка даже была... красивой. Сложно описать, но это просто девочка, которая лежит; спит глубоко, но мало ли кто глубоко спит. Просто – не ложатся спать в любимом розовом платье в красную точку и с пришитыми бусами из пластиковых золотых ракушек.

Вот это совсем dokonало маленькую Ксюшу. Это ЕЁ платье, а не той девочки. Это ЕЁ одежда. Они не имели права, не должны были ей его отдавать!!! А что с ним будет? Его захоронят вместе с ней? Нет! Нет!!!

Ксюша успела к гробу быстрее, чем собака успела её перехватить и чем взрослые скопом направились к гробику – целоваться (фу, зачем?..). Она обхватила себя и заорала-зарыдала-застенала-завопила, сколько существует слов для одной лишь эмоции, которая только кажется невыразимой, а на самом деле она уместается в четыре синонима – и остальные ещё Ксюше не были известны (да и эти-то...).

Ей не хотелось отпустить себя.

Ей не хотелось отдавать тело.

Пусть оно остаётся тут. Пусть мама с папой его заберут. Пусть оно лежит в сохранности и его никуда не девают, ни под землю, ни в хранилище – кажется, такие даже есть, хотя Ксюше это странно себе представлять. Она не допустит, чтобы даже эта Ксюша, которая просто оболочка от Ксюши настоящей, куда-то пропала, и след её терялся среди миллиона тел на кладбище.

Собака тянула Ксюшу назад, однако теперь она проявила цепкость Чужого, и была готова отстаивать и себя, и свою копию, к которой всё подходили и подходили, целовали и целовали, не спрашивая разрешения у хозяйки. Она бы прогнала их, ударила, закричала на каждую, потому что так нельзя, нельзя! Почему никто из них не пробует её разбудить?! Это несправедливо!

Но совсем ужасно стало, когда наступила очередь мамы. Потому что если мама уже поцелует в лоб, то всё, никакого поворота назад не будет. Всё окончится. И Ксюша навсегда останется тут, и все уйдут, и ничто не сможет вернуться назад.

- Уйди! – в отчаянии закричала Ксюша. – Уходи!!!

Её удар, жалкий, как удар любого ребёнка, никак не потревожил маму. На секунду показалось, что она дёрнулась, и дёрнулось вместе с ней и сердце Ксюши, но – нет, ничего не случилось. Это мама просто машинально поправила пиджак. Сама она стояла, склонившись, и гладила, гладила, заглаживала что-то, что когда-то было её дочерью.

...а теперь это не она? Что вообще такое, это тело? Можно ли вообще говорить о нём как о человеке?

Ксюша осознавала себя и поэтому – да, она бы не стала. Но она и не размышляла над этой темой долго; не это сейчас её волновало.

Мама крепко, долго целовала лоб, и это означало только конец всего.

- Нет! – завопила Ксюша. – Нет!!!

Под музыку гроб начал уходить на платформе вниз; что это было, неясно, но Ксюша отчаянно жаждала вернуть себя – или чем там теперь являлась эта туша в её любимом платице, и только собака, уже начавшая агрессивно рычать, мешала ей.

- Уходи! – Крики Ксюши уже преодолевали звуковой барьер. – Убирайся!

Она ударила так сильно, насколько могла, собаку по голове, и та заскулила. Впрочем, челюстей не разжала – наоборот, она резко потянула Ксюшу назад, так что та упала.

Но... к ней пришёл неожиданный защитник.

Страшная чёрно-фиолетовая тень, выпустившая языки, как если бы это делало настоящее пламя, но более густое и вязкое, чем то, что существует в реальном мире, обхватило собаку с разных сторон, а мужская рука в чёрной кожаной перчатке без пальцев поймала руку Ксюши и резко потянула на себя. Перетяжки с собакой заняли недолго; собаке всё же мешали, один из языков почти поглотил её голову, и ей пришлось отпустить Ксюшу, тогда как сама девочка полетела в пропасть, куда её тащила рука.

Ксюше стало очень страшно.

Она закричала.

- О, нет, детка, так не пойдёт. Я не умею успокаивать детей, поэтому справься как-нибудь сама.

Ксюша и справилась сама, просто не сразу. Она умела замолкать моментально, но сейчас на неё навалилось слишком многое, так что дистанция между отчаянным криком и тихим всхлипыванием заняла секунд двадцать-двадцать пять. Ксюша не сразу осознала, что находится в приятной красноватой темноте, что её держит на руках какой-то высоченный страхолюдина в гриме рок-музыканта, что назойливой собаки рядом нет... и вообще ничего рядом нет. И никого тоже. Только этот парень.

Глазам не пришлось привыкать к темноте, потому что сама темнота располагала смотреть в неё. Она не раздражала взгляд, не закрывала собой фигуры; она просто была приглушённой версией света, уютной и успокаивающей.

- Ну, наконец-то! – Верзила поставил Ксюшу на землю, и она поняла, что до того он держал её как котёнка: подхватив подмышки. Так что теперь плечи слегка болели...

Да и вообще он был какой-то странный. Рокеров Ксюша видела, родители брали пару раз её на концерт, где ей совсем нельзя было находиться, и она быстро уставала от ужасно громких звуков и плакала, но эти мероприятия помогли ей с большей лёгкостью принять облик нового знакомого: мужчину с выбеленным до скелетного блеска лицом, с чёрно-бордовыми ромбами, нарисованными вокруг глаз, с длинными чёрными волосами, в кожаной безрукавке с заклёпками, которая была надета поверх полосатой (но всё ещё чёрной) майки, в чёрных кожаных же штанах и огромных тяжёлых ботинках. На руках – напульсники (тоже из кожи) и перчатки без пальцев, сделанные из... а, понятно. В другой день этот человек выглядел бы пугающе, но сейчас производил скорее забавное впечатление, как оживший мультяшник.

Правда, перед ним Ксюша всё ещё робела. А ещё не понимала, куда ей деваться и где пропали папа с мамой.

- О, дьяволы преисподней! Не беспокойся, без ответа тебе придётся пробыть... – мужчина посмотрел на невидимые часы, – две секунды. А, вот и Зверь.

Со звуком агонизирующего, чудовищного рычания появилось существо, от которого Ксюша снова закричала (даже в таком состоянии горло у неё начинало болеть; впрочем, что сделаешь со своими эмоциями?). Какая это была тварь! С мордой покрытой гнойными чирьями пантеры, с лапой чешуйчатого петуха... а другая была мягкая, но с кошачьими когтями толщиной в отцовский палец... а ещё была нога с копытом... Страшилище состояло из разных частей животных, и каждая эта часть вела в соответствии со своей природой, не синхронизируясь в общий организм. И чудовище было огромным, больше, чем загадочный рокер! Больше, чем дом!

Какой кошмар!

- Так, спокойно! – Рокер выставил вперёд руки. – Тихо-тихо-тихо. Вот почему не люблю работать с детьми. А, нет, не слушай меня, люблю, на самом деле люблю. Больше всего на свете. Ну-ка, держи конфету.

Даже не в руках, а сразу во рту у Ксюши появился карамельный петушок, от которого она чуть не поперхнулась. Вкус... приятный. Одновременно карамель, ваниль и кока-кола, и при этом всё леденец. Здорово!

- Вот, отлично, работает безотказно. Познакомься, это – Зверь! Зверь, улыбнись нашей гостье. Улыбнись!.. Ладно, неважно, надеюсь, это не нанесёт ей психологическую травму. Не нанесло? Гуд. Можешь его погладить.

- Можно? – недоверчиво и робко спросила Ксюша. Гладить эту штуку ей не хотелось совсем.

- Конечно, можно! А что, Зверь тебя пугает? Какая ты плохая, оказывается, девочка. Разве не принято у вас говорить «не суди книгу по обложке»? Ну ты посмотри на него, как ему грустно! Разве он не милашка?

Чем бы ни был этот Зверь, кем он точно не являлся, так это милашкой. Но Ксюша была не только робкая, но и вежливая, поэтому, через силу поддавшись уговорам странного рокера, она погладила мохнатую лапу твари против шерсти. Тварь уничтожающе зарычала.

- А-а-а, не так! Разве тебя не учили гладить животных? Всегда приходится брать воспитание на себя. Вот так, вот так...

Рука мужчины легла на крошечную ладонь Ксюши и провела ею по шерсти, вдоль линии роста.

Странно, но даже шерсть у этого существа казалась отвратительной. Непонятно, как такое вообще возможно, но она как худшая ненатуральная ткань, ещё и была статическим электричеством.

- Замечательно, вот и разобрались. Ну, что ж, пожалуй, нам придётся тут коротать вечность? Не волнуйся, у дяди Белиала подготовлена целая программа...

- А где мама и папа?

- Божечки-кошечки! Разве ты не поняла, что ты больше с ними не увидишься?

- Не увижусь?..

- Ну, теоретически. Полагаю, до момента смерти каждому из них придётся ждать лет сорок-пятьдесят... ты их воспитала ужасно скучными людьми. Никаких аморальных вредных привычек, ничего интересного.

- Но я же их увижу? Когда они...

- О, милая девочка, любой находится там, где ему и место! Ты можешь посмотреть на ту сторону... впрочем, не думаю, что тебе удастся. Сама понимаешь, завеса тут плотная, дым, смог, пар... Дурная экология. Обожаю это.

- Мама говорила, что на нас смотрят сверху...

- А биология говорит, что все мёртвые оказываются снизу. Разве ты не видела, как опускают твой гроб?

Ксюше нечего было ответить. Она... растерялась.

Ну, да, они внизу... Но этого же быть не может, что она никогда не встретится с папой и мамой...

- К тому же у них, дай посмотреть... ага. Распланировано ещё двое детишек, лет через пять и через семь. Поверь мне, им будет чем заняться. Знаешь, неудачная проба пера скоро забывается.

Ксюша была готова зарыдать. Прямо тут, на месте.

- Ну-ну-ну, я вижу слёзки! Плакать тут не надо. Порадуйся за себя: никого из старших, никого из взрослых! Делай что хочешь!

- Я хочу к маме...

- Так, малыш, уже начинаешь раздражать. – Рокер скривил губу и сел перед Ксюшей. – Ты мертва. Всё, труп. Жмур. Трупешник. Мертвечина. Тебя отправят в печь крематория, а твой прах высыпят в урну вместе с переработанными костями и захоронят на семейном участке. Юр дед, маленькая. Мemento мори. Смирись с этим.

Слёзы уже не просто выступили, но теперь уже и не сдерживались. Ксюша не ожидала, что кто-то ей скажет с такой людоедской прямолинейностью, что с ней произошло.

Она, конечно, знала... но всё равно от обидных слов становилось только горше и страшнее.

- Не беспокойся. На ещё конфетку.

Во рту теперь оказалась совсем не конфетка, а пережаренная фи́га. Ксюша закашлялась.

- Я вот люблю смотреть телевизор. Ты ведь тоже?.. Ах, нет, поколение альфа воспитано на планшетах. Никакой романтики старых трубковых телеящиков. Ну, тогда моя задача просветить тебя. Пойдём смотреть мультики?

- Я не хочу...

- О, поверь, тебе надо развеяться. Ты так настрадалась за эти дни, тебе не кажется? Да и тут не то чтобы многим можно было заняться... Разве не будет приятно устроиться с дядей Белиалом на диване и смотреть мультики?

Нет, определённо не было.

Но как она может сопротивляться взрослому? Она может закричать. Может позвать папу и маму. Добрую собаку. Но кто её тут услышит? Она посреди нигде, единственные, кто находятся сейчас с ней рядом, это страшный рокер и не менее страшное чудовище, пылающее огнём. Ксюша в целом не ссорилась с незнакомыми взрослыми, и даже со своими родителями скорее канючила и требовала внимания. Но... это какой-то посторонний дядя, к тому же явно опасный; что она может?

Ну и мультики смотреть вроде нестрашно.

Рокер поднял Ксюшу как котёнка, подмышки, и усадил на внезапно образовавшийся красный диван. Вообще вокруг начала проступать обстановка, и Ксюше она не сказать чтобы нравилась: ковры, много ковров, тёмно-коричневые, рыжий абажур, тёмно-зелёные стены с рисунком в виде растений... Вроде красиво, а вроде и неуютно.

- Красота! – Рокер откинулся на спинку дивана. – Люблю, знаешь ли, изысканные интерьеры. Если бы ты подросла хоть немного, тоже бы оценила. Впрочем, не лучше ли умереть молодой? Меньше разочарований, меньше проблем, совсем нет школы... Ну, всё, мне надоело с тобой разговаривать, включаем!

Телевизор, который вдруг очутился перед креслом, был какой-то смехотворно старый: толстый, с деревянным корпусом, выпуклой линзой экрана, толстенными кнопками. Рокер нагнулся к нему и, ругаясь как сапожник (Ксюше пока не был понятен концепт ругани, но то, что он говорил, она точно определяла как нехорошее), настраивал с помощью какой-то крутилки дрожащее изображение.

- Вот! – наконец он остановился и откинулся назад. – Мой любимый мультик. Тебе понравится, правда!

Это... не был мультик.

Ну то есть как. Рисованный значит мультик. Но просто по содержанию это был не мультик: там просто маленькая Ксюша лежала в гробу. Очень реалистичная, очень похожа, в том же платье, что её похоронили, но только нарисованная. И вокруг никого, только гроб и пустота.

Как же Ксюше стало страшно!

- Не хочу смотреть!

- Ну, ты же ещё не начала!

- Не хочу!!!

Ксюша попыталась вывернуться, однако цепкие пальцы рокера перехватили её и резко встряхнули. Это не была решительная, но ласковая уверенность доброй собаки: так хватают только злые взрослые. Очень, очень злые взрослые.

- Малыш, ты не хочешь меня разозлить. Поверь. Ты не ведёшь себя как цветок жизни, а сорняки, знаешь ли, срывают. Ах, да, тебя и сорвали, ты умерла. Ты никому не нужна. Так что закрой, пожалуйста, ротик, и составь дяде Белиалу компанию, ладно?

Ксюша мелко-мелко задрожала. Она боялась. Другие дети, когда боялись, начинали громко кричать и звать маму, но она – она замыкалась и капризничала тихо, раздираемая ощущением несправедливости и страхом, что ей-то сейчас

достанется. Не от родителей, они и руки на неё никогда не подняли, – от страшных, недобрых взрослых.

Так что она, трясаясь и всхлипывая, смотрела на экран.

А на экране происходило страшное! Кожа стягивалась, обхватывая скелетик тонким покрывалом, глаза вваливались и высыхали, обнажая жуткие глазницы... По телу ползали червяки... Вот появилась лисичка с детками, и они начали отгрызать беспомощные ручки мёртвой Ксюши по кусочкам...

- Ну, это художественное преувеличение. Реалистичный сюжет пойдёт чуть позже. Это то, как могло бы быть, если бы твои папа и мама выбрали бы другой способ захоронения. Я всё-таки демон, так что давай проспойлерю тебе сюжет: значит, так, патологоанатомическое отделение, тебе срезают череп, вынимают мозг...

- ХВАТИТ!!!

- Тихо! – Это страшный, нечеловеческий голос, который придавливал к земле... Точнее, к дивану, но разница небольшая. – Ты БУДЕШЬ слушать меня. Ты БУДЕШЬ это смотреть. Знаешь, ты любопытная девочка, и – я уважаю это. И я бы хотел удовлетворить твоё любопытство. Значит, так, дальше – процедура кремации...

- Хватит! Хватит! Хватит!!!

Ксюшу держали крепко, как если бы её схватил огромный каменный голем. Рокер не только умудрялся обхватить её руки и ноги, но ещё и держать глаза открытыми; впрочем, какая в этом надобность, неясно, ведь Ксюша бы всё равно не отвела взгляд... от ЭТОГО.

Он был прав. Врачебное отделение... Ксюшу вскрывают... достают мозг... внутри черепа мясо...

НЕТ!!! НЕТ!!! НЕТ!!!!

Мама! Папа! Кто-нибудь!!!

Позади раздался героический лай и грозное рычание. Оно охватывало всю темноту, распространялось далеко за её пределы; но это было доброе и хорошее рычание, которое наделяло сердце надеждой. Странно так говорить про рычание, но оно давало чувство счастья и веры...

- ПРОКЛЯТАЯ ПСИНА! – Рокер бросил Ксюшу на диван, и она ударилась лицом об внезапно жёсткую обивку. – Что ты тут стоишь, разберись с ней!

Он снова схватил Ксюшу, встал и готовился бежать. Позади – два рычания: одно ужасающее, жуткое, повергающее в первобытный ужас, а другое – грозное, отважное, но очень, очень светлое и геройское.

Одно издавало чудовище, другое – собака.

Рычание переросло в звуки драки, укусов, визгов, яростного лая; Ксюша вдруг осознала себя, своё тело, свою личность и поняла, что ей тут не место. Она тут случайно. Она не должна тут быть. Её затащили; да, она виновата, что подала остатки руки своей, но её обманули, и теперь...

Что она может сделать?

- Пусти! Пусти!!!

- Прекрати кусаться!

Ксюшу со всей дури ударили не то об землю, не то об стену; по ощущениям – разбили всё тело, включая нос и рот. Боль невыносимая...

Но звуки драки, лай доброй собаки (Ксюша сразу поняла, кто это), а также внутренняя злость поднимали Ксюшу на восстание!

- Пусти!!!

Она упиралась руками и сучила ногами; рокер хоть и был могущественным, но как будто бы оставался человеком, которому приходилось иметь дело с брыкающейся малолеткой. А это очень, очень трудно! Ксюша это чувствовала в те редкие моменты, когда капризничала так сильно, что выгибалась в руках папы и мамы, едва могших её удержать; она как дикая кошка, как огромная рыба, как живая игрушка на пружинке.

Она вырвется! Она обязательно вырвется!!!

- Чёртовы дети! – Ксюшу бросили на пол: вот теперь точно это был пол. – Ладно, не хочешь по-хорошему...

Стало ужасно страшно; рокер превратился в огромную темноту, от которой шли ужасающие отростки, обхватившие все четыре конечности маленькой Ксюши и потащившие её во тьму.

Нет! Нет!!!

Ксюша пыталась шевелиться, но ей едва это удавалось: отростки оказались ужасно сильными, мощнее, чем она была. Ноги дёргались, оказавшиеся не в состоянии упереться об пол, руки растягивало в разные стороны; даже волосы – и те склеились с темнотой и с болью тащили Ксюшу куда-то вовнутрь бытия.

Лай – и большая клацающая челюсть доброй собаки перекусила одно из неясных щупалец. Оно держало ручку Ксюши; собака схватила за неё (было бы больно, будь Ксюша живая; но сейчас – просто неприятно) и резко дёрнула на себя. Почувствовав свободу, Ксюша яростно забрыкалась, пытаясь вырваться из клейкой темноты. Удалось только выдернуть вторую ручку; в этот момент ощутимо не хватало пальцев – Ксюша просто обхватила шею собаки, умоляя Бога, чтобы прямо сейчас не соскользнуть обратно, и крепко зажмурилась.

Странно, что в такой ситуации можно потерять сознание. Как она вообще на это способна? У неё нет сознания. Она сама сознание. Было бы тело – другой вопрос, но сейчас Ксюша впала в беспамятство на несколько минут, а потом оказалась на дороге, покрытой песком и землёй. Вокруг – непонятный пейзаж, его считай и не видно, не просвечивает ничего. Как будто серое небо легло на землю и всё спрятало, кроме того, что у тебя под ногами.

Ксюша не разжимала объятия и продолжала ехать, обхватив собаку. Ксюша уже не была маленькой девочкой, чтобы кататься пусть даже на такой большой собаке верхом, но та просто тащила её, словно не испытывая никакого неудобства. Увидев, что Ксюша очнулась, она остановилась, скинула девочку с себя и принялась облизывать ей лицо.

- Нет, – хныкала Ксюша, – нет, не хочу, поехали, поехали дальше, я боюсь...

Однако присутствие доброй собаки рядом немного успокаивало. Просто Ксюша сейчас никак не могла расстаться с ужасом, что она пережила только что... или час назад? Два? День? Дни? По ощущениям – вот только что, но сколько времени прошло на самом деле...

Собака неестественным для животных лёгким движением сняла с себя ошейник с бочонком и уронила его на Ксюшу. Вернее, на землю, но кидала-то она явно в сторону девочки. Ксюша посмотрела вниз и впервые осознала, что этот бочонок на самом деле поильник с трубочкой, который ей давали, когда она была в больнице. Похожие стояли и дома, но просто у них не было блокировки, чтобы напиток не выливался...

А тут как будто есть.

Ксюша культями поставила бочонок на землю; затем слегка нажала на крышку – тут же вперёд выступила трубочка. Ксюша слегка приподняла ёмкость и, обхватив губами трубочку, осторожно принялась пить.

Сладко. Но не так, что горло дерёт.

Это сок её любимый, лимонно-огуречный. Папа каждый раз на неё смешно смотрел, мол, что за гадость ты пьёшь, а Ксюше нравилось. Очень освежает, сладко, но не приторно, и после пить не очень хочется, только для вкуса разве что.

Здорово.

Прохладный, но не царапающий холодом сок возвращал чувство реальности и спокойствия. Становилось понятно, что всё не так плохо, что самое ужасное прошло; конкретно сейчас Ксюша стоит на дорожке, рядом добрая собака и бочонок с соком. Может быть, это не хорошо, но это точно не плохо.

Она в безопасности.

Когда Ксюша нажала на крышку и убрала трубочку, собака склонилась к бочонку, и тот волшебным образом оказался на её шее. Собака весело пыхтела, и из её рта свешивался длиннющий розовый язык.

- Прости, пожалуйста, – робко заговорила Ксюша. Впервые ей стало неловко: Ксюша не очень понимала, как можно разговаривать с собачкой, понимает ли она её в полной мере, а если нет, то в какой, но больше сказать ей было нечего. – Я больше не буду... Ты простишь меня?

Собака не выглядела обиженной. Вообще что она думала, оставалось непонятным.

Зато самой Ксюше было очень и очень стыдно, и она не понимала, как это можно выразить. Просто сказать собаке «прости, пожалуйста» – уже сделала, и как будто никакого результата. Заобнимать-зацеловать? Хорошо, но поймут ли её... А угостить, привести куда-то, попросить её накормить – ну как ты это сделаешь, когда ты мертва и посреди нигде? Никак...

За этими мыслями Ксюша едва заметила, что собака решительно, но деликатно повела её за собой. Девочка уже поняла, что собака знает лучше, что делать, и решила покориться ей; тем более стоять на месте казалось страшноватым – а вдруг тот, раскрашенный, их догонит? Страшно и подумать!

А с собакой... с собакой хорошо и спокойно.

Вскоре мир вокруг начал проступать. Это походило на раннее пробуждение, когда зрение фокусируется, фокусируется, а потом только мир вокруг появляется и проявляется. Или когда туман уходит... Не то чтобы Ксюша это часто видела, но эти картинки отпечатались ей практически в родовой памяти, вызывая узнавание – впрочем, всё равно продолжающее смущать, потому что сейчас нельзя было ни прижаться к маме или папе, ни отвлечься другим способом. Она одна, и рядом только уверенно чапающая добрая собака.

Приходилось идти и идти дальше.

Дорога кончилась, и Ксюша с собакой шли уже по лугу. Вместе с лесом, травой, просыпающимися жужжащими шмелями и вырвиглазными луговыми цветами появлялось и другое, кое-что важное: другие дети и другие собаки.

В основном дети шли все вместе, разбиваясь на группки поменьше, а их сопровождало столько же собак, сколько было и самих детей. А их было много, очень много! Ксюша растерялась, хотя и была общительной там, внизу, и прижалась к своей собаке, а только ткнула носом и устало вздохнула, слегка измазав в слюне.

К ним подбежала какая-то длинная и длинношёрстная псинка, похожая на те, в виде которых делают игрушки, и громко залаяла на собаку Ксюши. Та просто продолжала пыхтеть; её ушли прижались к телу, а шея сгорбилась – всегда плохой знак, даже Ксюша это понимала. Но когда другая собака полезла кусать вторую за ноги, то Ксюша страшно рассердилась.

- Уходи! – Она топнула ногой, надвигаясь на длинную собаку. – Уходи, не смей!

Длинная собака отступила. Она не была, по всей видимости, агрессивной, хотя Ксюшу она испугала; просто посмотрела чёрными глазами со смешными выступающими белками, заворчала и убежала. Ксюша теснее прижалась к своей собаке; та уткнулась огромным широким лбом к затылку и тяжело вздохнула.

Они пошли вместе со всеми, ни с кем не общаясь и не пытаясь прибиться ни к одной компании. Ксюша просто робела, а сейчас ещё и сердилась, когда попытались обидеть её хорошую собаку.

К тому же... с незнакомцем она уже поговорила. Хватит.

Впрочем, в кучу их всё равно сбили, просто не очень тесную; собаки бегали вокруг, координируя общее движение, а на горизонте проступило нечто вроде раскинутого лагеря – такой Ксюша как раз и видела на том фестивале, куда её возили родители. УАЗики, узкая тропинка, заградительные ленты, люди в футболках и шортах хаки, с рациями, молодые девчонки и парни возле разных входов.

Неужели они идут туда? Ксюша не хочет. Ксюша хочет к чему-то знакомому и хорошему, где ей не придётся общаться с другими людьми.

Ну или пусть хотя бы рядом будет добрая собака...

А она и была.

Очутившись у одного из КПП, собаки залаяли, и к детям вышли те самые люди, которых Ксюша видела издалека. Они подходили к детям, рядом были собаки этих детей, взрослые что-то спрашивали... Дальше рассмотреть не получилось – к ней довольно скоро подошёл немолодой мужчина в шортах и жилете с кучей карманов.

- Ты... ох. Ксюша Антиохова?

Ксюша молчала. Этот незнакомец явно был добрее предыдущего... однако заговаривать с ним всё ещё плохо.

- Я Петрович. Будем дружить?

Ксюша уткнулась в шерсть собаки. Жаль, не может зарыться в неё пальцами...

- Я сейчас собачку немного поругаю, ты разрешаешь?

- Нет!

Ксюша развернулась и почти проорала это. Вот что она точно может сказать, так это «нет». Особенно на такое предложение.

- Ну собачка же тебя потеряла, в Ад уронила.

- Никуда она меня не теряла! Я сама прыгнула! Сама!

При всех неудобных моментах своего характера Ксюша никогда не дралась, не била других, не ввязывалась в склоки. Да, она могла громко, привлекая внимание, поплакать, но драться?..

Да даже сейчас ей не хотелось этого делать. Но, если этот не внушающий доверия человек, решит напасть на собаку, то Ксюше ничего не останется делать другого...

- Не дерись, ты хорошая. Я только чуть-чуть поругаю.

Мужчина строго посмотрел на собаку; та сидела пристыженно, буравя виноватым взглядом из-под густых бровей и низко-низко виляя хвостом.

- Ты зачем Ксюшу уронила?

- Прекратите! Она не роняла!!!

- Петрович! – Мужчина вздрогнул; позади появился другой, моложе, в хайратнике, джинсовом жилете, футболке с мандала-рисунком, значками и чёрными круглыми очками. Волосы длинные ... – А, Феофила Ксюшу привела! Ну здорово же, что ругаешься?

- Так маленькая в Ад упала...

- Ладно, всё, забыли. – Собака обрадовалась и встала на задние ноги в приветствии, чуть не повалив доброжелательного незнакомца. – Ну привет, привет... Зарегистрируй и домой приведи, хорошо?

- Так я на точке стою...

- Я заменю. Давай, Ксюшу ждут уже давно.

- Я никуда не пойду, – упрямо произнесла девочка, обхватывая радостную, бьющую хвостом в разные стороны собаку.

- Да ты чего, Ксюш, в дверях останешься? Там тебя бабушка с дедушкой ждут...

Ксюша в непонимании уставилась на мужчину в хайратнике. В смысле бабушка и дедушка?

- Ну, прабабушка и прадедушка. Просто полностью говорить длинно.

- Не верю.

- Хорошо, а если Феофила тебя приведёт? С ней пойдёшь?

Ксюша робко, с недоверием посмотрела на собаку. Та... не выглядела так, будто имела какой-то тайный, скрытый от глаз Ксюши план.

- Пойду...

- Ну вот и хорошо. Давай, внёс? Всё, идите...

- Так Феофила за другими уже...

- Да что вы бюрократию развели, сводите уже ребёнка домой наконец! Ничего страшного, потом пойдёт Феофила за другими. Не горит.

Пока взрослые занимались какими-то своими делами и оставляли распоряжения другим Петровичам и Петровнам, Ксюшу ухватила за собаку из последних сил, чуть не душа её. После произошедшего отпускать её точно не хотелось; тут не было ни темноты, ни жуткого телевизора, но – ей уже хватило одного раза потерять единственную защитницу её в этом состоянии, хватит. Второй раз просто будет страшно.

И... какие ещё прабабушка с прадедушкой? Они, конечно, у неё были, это очевидно, но в том мире с обеих сторон самыми старшими для Ксюши оставались просто бабушки с дедушками. Предыдущее поколение умерло-то давно...

Ну а с другой стороны – куда ещё её девать? Если тут она одна... из всех своих знакомых.

...не пойдёт никуда, пусть Феофила её туда-обратно с собой несёт.

Феофила в итоге и понесла. Ну, так, повела, заботливо потянув за капюшон. Мяться у КПП действительно становилось утомительно, а никто из взрослых не подходил слишком близко, так что создавалось успокаивающее впечатление, что никто не станет донимать Ксюшу.

А с собакой... с собакой попросту было спокойнее.

За ленточкой начиналось небольшое поле: там стояли люди и встречали тех, кто заходил. Большими компаниями, маленькими... взрослые тянулись к детям, дети – ко взрослым, иногда среди встречающих стояли и ровесники... Ксюша почувствовала себя грустной и дезориентированной, однако собака решительно повела её дальше, мимо палаток с чурросами и чайными.

Прабабушка и прадедушка сидели у старого пивного ларька, каких уже давно не строили. Ксюша и не опознала, что это такое, только лишь удивилась, увидев огромную кружку в руках молодого парня. Рядом с ним сидела его жена в облике семидесятилетней женщины – и, глядя на то, какая у них большая разница в возрасте, Ксюша растерялась. Разве ж так можно?..

Они оба вскочили с места, и бабушке не потребовалась помощь более молодого на вид супруга. Пиво слегка разлилось по столу, моментально испаряясь с поверхности, а не оставаясь на ней клейким пятном.

- Ой, Ксюшенька, довели-таки!

Почему она вообще подумала об этих случайных людях как о своей родне? Ксюша не понимала. Она чувствовала, что эти люди имеют к ней какое-то глубокое отношение, но, если её спросить, какое же конкретно, она бы вряд ли смогла ответить. Просто... что-то чувствовалось от них, и всё тут.

Хотя она всё ещё робела и исподлобья поглядывала на обоих.

- Ксюшенька, я Пава, твоя прабабушка. Па-ва. А это Коля, прадедушка.

- Давай обниматься, Ксюш! – Дедушка с обезоруживающей улыбкой смотрел на Ксюшу, распахнув объятия. К нему правда хотелось подойти и поздороваться... но Ксюша всё ещё боялась разделить с собакой. Ещё не до конца верила, что всё в порядке...

- Не бойся, Ксюшенька. – Рядом очутился Петрович, уже без рации. Он осторожно коснулся спины девочки, и та дёрнулась. – Всё хорошо. Ты теперь дома. Ну, иди к бабушке с дедушкой.

Ксюша с подозрением и беспокойством посмотрела на собаку. Феофила села на попу и довольно пыхтела. Она перевела взгляд на Ксюшу и лизнула её.

Всё... в порядке?

- Петрович, с ней всё в порядке? Ксюшенька?

- Она упала в Ад, но Феофила её вытащила.

- Ой...

- Да как так, – дедушка вздрогнул, – как так-то?

- Всё хорошо, ничего не случилось. Ксюшенька, посмотри, это твои бабушка с дедушкой.

- Они разные, – упрямо протянула Ксюша. Не сказать же, что она и без Петровича это поняла.

- Так мы счастливы в разное время, – дедушка улыбнулся, хотя, кажется, в его улыбке была грусть. – Мне в двадцать хорошо было, бабушке твоей... вот тогда.

- Всё хорошо, Ксюшенька, – бабушка потянулась к девочке. – Ой, ручек нет... Петрович, а у Пастуха нельзя попросить? Ну нехорошо как-то...

- Ты хочешь ручки, Ксюша?

Ксюша медленно покачала головой. Серьёзность вопроса не доходила до неё окончательно, но сейчас она вообще мало что хотела.

- Ну, ладно, передумаешь – скажешь. Тут и без ручек можно.

- Ксюшенька, да что ты? Боишься, что ли?

- Я не хочу от неё уходить! – Ксюша не ругалась, просто сказала эти слова очень громко. Она уже от всего устала... – Я с ней подожду! Мама когда придёт?

- Нескоро, Ксюш, нескоро. А Феофила – рабочая собачка, ей других надо водить. Другим же тоже дойти надо...

Ксюша теснее прижалась к собаке. Наверное, глупо вот так вот сидеть и упрямиться... просто – она тут ничего и никого не знает. Да, эти люди, кажется, не злые, добрые... но она не хочет с ними. Просто – не хочет. А с собакой хочет, собака спасла её. Почему не оставить в покое?

- Давай так: Феофила к тебе в гости ходить будет, а ты пока маму с папой у бабушки с дедушкой подождёшь, хорошо?

- А они когда будут?

- Тут нет часов, Ксюш. В свой срок придут. Но у тебя тут друзья появятся, другие бабушки с дедушками придут. Просто надо чуть-чуть подождать.

- Я с Феофилой пойду.

- А нельзя, чтобы собачка с нами посидела? – Бабушка с мольбой посмотрела на Петровича. – Ну пусть чуть-чуть подождёт, а там мы её отпустим.

Петрович тяжело вздохнул; ему явно было тяжело принимать решение. Даже Ксюша поглядывала на него; этому человеку ничего не стоило просто разлучить её с собакой и повторно разбить ей сердце. Взрослые часто так делают.

- Ладно, – наконец произнёс он. – Правда, был трудный момент... мы придумаем что-нибудь, как заменить. Только, Ксюшенька, потом Феофиле надо будет пойти работать, ты отпустишь её?

Ксюша не выдерживала внимательного доброго взгляда в свою сторону. Она думала кивнуть... но сейчас ей не хотелось этого делать. Сейчас все пусть оставят её в покое.

- Спасибо тебе большое. Ты хорошая девочка. Феофила, ты охраняй её хорошо, ладно?

Петрович ещё что-то говорил, но Ксюша его не слушала. Встали бабушка, встал дедушка, они ещё что-то обсуждали, бабушка ласково обняла Ксюшу, и та вроде подалась, но на руки к деду забираться отказалась. Ей намотали на руку поводок, который прицепили к Феофиле, и потом взрослые повели её за собой. Ксюша смотрела за тем, как спокойно и уверенно идёт Феофила, и ей становилось немного легче.

Радости... радости пока не было. Она чувствовала, что будет: скорее всего, Петрович прав, и она найдёт себе друзей или других знакомых... просто сейчас она страшно устала и хотела бы забраться в кровать или куда-нибудь, где тихо и спокойно, отреветься и поспать.

Появился город; мимо протекали утопающие в зелени частные и многоквартирные дома, они шли по дороге, на которой не было машин, светило нежаркое солнце, пахло листвой и речкой, и постепенно в душе становилось спокойно. Может быть, не хорошо, но спокойно.

Ксюша остановилась и со всей силы обняла собаку. Бабушка заохала, сказала: «Отпусти, задушишь!», дедушка что-то утешал, а собака просто удовлетворённо пыхтела, и нос утыкался в длинную шерсть на толстой длинной шее.

Ничего. Осталось просто чуть-чуть подождать.